

ДОН НИГРО

ВАРИАЦИИ

ТУТОВОГО

ДЕРЕВА

Дон Нигро

Вариации тутового дерева

«Автор»

Нигро Д.

Вариации тутового дерева / Д. Нигро — «Автор»,

Четыре актера (2 женские и 2 мужские роли). Да, тутовое дерево проходит через эту необычную историю о безумном ученом, который готов искать научную истину, особенно, если речь о собственном бессмертии, любой ценой, не жалею никого, даже младенцев. К счастью, обычно находится тот, кто отправляет его в ад.

Дон Нигро

Вариации тутового дерева

*«И пришли опять Филистимляне
и расположились в долине Рефаим.
И спросил Давид Господа,
и Он отвечал ему: не выходи на
встречу им, а зайди им с тылу, и
иди к ним со стороны тутовой рощи.
И когда услышишь шум как
бы идущего по вершинам тутовых
дерев, то двинься; ибо тогда
пошел Господь пред тобой, чтобы
поразить войско Филистимское».*

2-ая Царств, 5:22-24

*«Она стояла там и пела; смысла
В той песне было мало. Повторялось
Одно в ней часто: "Паламон ушел, –
В лесу он ищет ягод шелковицы,
Но завтра я найду его"».*

*Джон Флетчер и Уильям Шекспир «Два знатных родича», Акт 4,
сцена 1. Перевод Н. Холодковского.*

*«Она прошла вперед – прямо вперед, – посмотрела на нас в упор с
тем самым близоруким прищуром... Шла и шла, пока не исчезла».
Редьярд Киплинг «Миссис Батерст».*

Действующие лица:

ДЖЕК
МЭДЧЕН
ПЕТРА
ЭВАНС

Декорация:

Одна простая декорация представляет собой старый дом около Темзы в Лондоне, тюремную камеру и все остальное на острове Южного моря в первой декаде двадцатого столетия. По центру в глубине дверь, но никаких стен. Кровать, стол и лампа справа, у авансены слева деревянный стол и стулья. Никаких разрывов спектакля и смены декорации. Действие течет, как сон.

Авторское примечание:

В пьесе используется стробоскопический эффект. Ответственные за постановку «Разноцветностей тутового дерева» должны предупреждать об этом до начала спектаклей, потому что стробоскопический эффект может вызывать у некоторых эпилептические припадки.

(Звук старого кинопроектора, работающего в темноте. В тусклом, мерцающем свете возникает дверь, как в очень старом немом фильме. Слышно, как кто-то играет на старом пианино 13-ю Гольдберг-вариацию Баха).

ДЖЕК (*голос из темноты*). Звук кинопроектора, движение пленки, напоминающее хлопанье крыльев летучей мыши, и музыка, едва слышная, как воспоминание о Бахе, исполняемом на пианино борделея. Дверь в старом доме. Комната выглядит знакомой, но вспомнить, откуда, не удастся. Потом дверь открывается. (*Дверь открывается, появляется девушка в белом платье, МЭДЧЕН, оглядывается, подсвеченная старым немым фильмом. Не выглядит она актрисой немого кино. Определенно это какое-то воспоминание из реальной жизни. Фильм, но документальный*). Это она, какой была на острове, прекрасная и печальная, как ребенок, одетая в белое. Она колеблется, в неуверенности. Потом направляется к проекционному аппарату. (*МЭДЧЕН идет к авансцене, на нас, всматривается в свет*). На лице тревога. Ее глаза. Из света уходит в темноту и исчезает. (*МЭДЧЕН направляется к левой кулисе и уходит со сцены. Мерцающий свет гаснет, музыка стихает, а через распахнутую дверь в комнату падает полоса лунного света. В дверном проеме появляются ПЕТРА и ДЖЕК*).

ПЕТРА (*входит*). Ты уверен, что это девушка, которую ты знал? (*Оглядывается, видит, что ДЖЕК застыл на пороге*). Все нормально. Можешь войти. В чем дело?

ДЖЕК. Место кажется мне таким знакомым.

ПЕТРА (*включает лампу у кровати*). Может, раньше ты здесь бывал?

ДЖЕК. Не знаю.

ПЕТРА (*берет за руку, заводит в комнату*). Все равно заходи. Это всего лишь комната в старом доме.

ДЖЕК. Я знаю. Но...

ПЕТРА (*закрывая за ним дверь*). Ты абсолютно уверен, что это та самая девушка?

ДЖЕК (*все еще оглядывая комнату, звук закрывающейся двери отвлекает его*). Что?

ПЕТРА. Девушка в фильме. Ты уверен, что это та самая девушка, которую ты знал?

ДЖЕК. На этой неделе я каждый вечер смотрел этот фильм. Готов поклясться, это она.

ПЕТРА. Даже если это она, не понимаю, чего ты так встревожился? Девушка, которую ты знал, вдруг оказалась в фильме, который показывают в Саутуорке. Что тебе до этого?

ДЖЕК. Потому что она – дочь тюремщика. Я в этом уверен. И не понимаю, как такое может быть.

ПЕТРА (*находит бутылку вина, наливает два стакана*). Выпьешь вина?

ДЖЕК. Не знаю.

ПЕТРА (*дает ему стакан*). Давай выясним. (*ДЖЕК смотрит на стакан, занятый своими мыслями*). Не смотри на него. Пей.

ДЖЕК. Ладно. (*Отпивает*).

ПЕТРА. Хорошее?

ДЖЕК. Думаю, я его уже пил.

ПЕТРА. А как ты познакомился с дочерью тюремщика? Сидел в тюрьме?

ДЖЕК. Да. Сидел.

ПЕТРА. Что ж, это настораживает. Хотя не могу сказать, что меня это удивляет. По тебе это чувствуется.

ДЖЕК. Что чувствуется?

ПЕТРА. Какая-то обреченность. Поэтому мы узнаем друг дружку. И что ты сделал? Кого-то убил?

ДЖЕК. Если на то пошло, да. Убил.

ПЕТРА. Ты кого-то убил?

ДЖЕК. Да.

ПЕТРА. Ты шутишь.

ДЖЕК. Нет. Я так не думаю. Очень хорошее вино. Из тутовых ягод?

ПЕТРА. Не знаю.

ДЖЕК. Я пил вино из тутовых ягод. Где-то.

ПЕТРА. Так ты – убийца.

ДЖЕК (*ставит стакан и оглядывается*). Это место выглядит таким знакомым. Мебель. Кровать. Обои с розами. Поразительно.

ПЕТРА. Может, ты убил кого-то здесь?

ДЖЕК. Я не профессиональный убийца.

ПЕТРА. Просто любитель. Полагаю, это успокаивает. Ты в розыске?

ДЖЕК. В розыске?

ПЕТРА. Полиция. Тебя разыскивает полиция?

ДЖЕК. Сомневаюсь. Это случилось на острове в Южных морях. Я был матросом на торговом корабле.

ПЕТРА. Я думала, ты был художником.

ДЖЕК. Я сейчас художник.

ПЕТРА. И что делал художник на торговом корабле?

ДЖЕК. Убегал. Или пытался догнать убегающий горизонт. Она была официанткой.

ПЕТРА. Кто? Та, которую ты убил.

(*Разговор продолжается, а МЭДЧЕН появляется из левой кулисы, уже не в фильме, а в другом времени и пространстве, в тюремной камере на острове в Южных морях, с подносом в руках. На подносе еда: хлеб, масло, кувшин молока, чашка. Она ставит поднос на круглый деревянный столик, и выглядит все это, как картина Сезанна*).

ДЖЕК. В баре, на одном из островов Южных морей. Мне она понравилась с первого взгляда.

ПЕТРА. И ты ее убил?

МЭДЧЕН. Тебе действительно надо перестать думать и что-нибудь съесть. Даже убийца должен есть, знаешь ли. Ты такой мрачный. Можно подумать, что убили тебя.

ДЖЕК (*обращаясь к ПЕТРЕ, которая остается на месте, тогда как он идет к МЭДЧЕН. ДЖЕК существует в двух временах и пространствах*). Матрос оскорбил ее. Я что-то ему сказал. Он обиделся. Полагаю, я хотел, чтобы он обиделся. Тогда во мне кипела злость, словно внутри сидел волк.

ПЕТРА. Волк в тебе по-прежнему?

ДЖЕК (*отвечает ПЕТРЕ, но наблюдает за МЭДЧЕН*). Он приходит и уходит. Я, по большей части, незнакомец для самого себя. В моей голове есть пустоты. Началась драка. Матрос ударился головой о край стойки, и его голова треснула, как яйцо. Не собирался я убивать его. Это был дурацкий несчастный случай. Но в таком месте, как остров Южных морей, никогда не знаешь, что может с тобой случиться. Ты можешь сдохнуть в тюрьме, и это еще не самое худшее. Она приносила мне в камеру еду. Ее мать была француженкой, а отец – вспыльчивым австралийским боровом. Она была дочерью тюремщика.

МЭДЧЕН (*дружесливо болтает, наливая молоко в чашку и намазывая масло на хлеб*). А кто не в тюрьме? Вот что я говорю. Чувство вины – это тюрьма. Любовь – это тюрьма. Тюрьма в твоей голове. И, если на то пошло, вероятно, везде.

ДЖЕК. Она казалась мне знакомой. Словно я знал ее в прежней жизни.

ПЕТРА. Как кажется знакомой эта комната?

ДЖЕК. Нет. Не так.

МЭДЧЕН. Я однажды любила парня. Но не его кузена. Кузен любил меня. Ходил за мной, как собака. Я пыталась его любить, но не могла. Такая она, любовь. Почему ты любишь одного, а не другого? Понять и объяснить невозможно. И посмотри, к чему это приводит? Ты вступился за мою честь, и вот твоя награда: ты заперт в тюрьме моего отца с семейством крыс. Такова для тебя любовь. Один может любить страстно, отчаянно, а другой ничего не знает о любви. Или не встретить свою любовь.

ДЖЕК. Ты читала Шекспира, так?

МЭДЧЕН. Только те страницы, что не съели крысы. Климат Южных морей вреден для книг и картин. Но вполне подходит для убийств и прелюбодеяний, во всяком случае, среди европейцев, которые, как я понимаю, в любом случае предрасположены и к первым, и ко вторым. Хотя, спешу добавить, мои знания о европейцах, убийствах и прелюбодеяниях по большей части вторичны, получены от кого-то.

ДЖЕК. Она выросла в этом странном, Богом забытом месте. Миранда, заточенная на своем острове с множеством старых, тронутых плесенью книг, расстроенным пианино и отцом-Калибаном.

МЭДЧЕН. И все-таки я думаю, что любовь – это святое, как вино и морские сухари. Подозревая, мне станет очень грустно, если я поцелую того, кого люблю.

ДЖЕК. И почему тебе станет грустно?

МЭДЧЕН. Из-за слишком очевидного свидетельства их смертности. Тебе абсолютно ясно, что человек смертен, когда его губы касаются твоих, языки переплетаются, перемешивается слюна и все такое. Меня начинает трясти от одной мысли об этом. Большую крысу зовут Чарльз. Я назвала ее в честь Диккенса. Но твоего молока я ему не дам. Он такой невежливый. И пахнет, как мой отец.

ДЖЕК. Ее переполнял детский, бьющий ключом интерес к жизни и множество тайных печалей. Из окна моей камеры я видел ее нескончаемыми тропическим днями. Она сидела в саду своего отца, под тутовым деревом, что-то писала в дневнике.

МЭДЧЕН. Ты когда-нибудь влюблялся? До потери сознания? Или это тема, которой морякам запрещено касаться под страхом смерти?

ДЖЕК. Любовь превращает человека в глупца.

МЭДЧЕН. В этом ее прелесть. Хотя для того, чтобы быть глупцом, любить не обязательно. Я думаю, любовь – это воспоминание. Ты впервые смотришь на человека и осознаешь, что помнишь его. И это тот, кого ты любишь.

ДЖЕК. Но как ты можешь помнить его, если видишь впервые?

МЭДЧЕН. Именно. Ты бывал в Англии? Я спрашиваю, потому что мы говорим на английском.

ДЖЕК. Думаю, я родился в Англии.

МЭДЧЕН. Но ты не знаешь наверняка?

ДЖЕК. Извини. С головой у меня что-то не так.

МЭДЧЕН. Тогда ты точно англичанин, потому что я прочитала много английских книг и у большинства англичан что-то не так с головой. Мне часто снится, как кто-то приплывает на этот остров, увозит меня в Англию и целует на Лондонском мосту.

ПЕТРА. Она сверхъестественно невинна, для официантки бара и дочери тюремщика.

ДЖЕК. Невинные люди крайне опасны. Кто-то это сказал.

ПЕТРА. Кто?

ДЖЕК. Не знаю. Голос в моей голове.

ПЕТРА. Ты слышишь голоса в голове?

МЭДЧЕН. Ты видел Лондон?

ДЖЕК. Мне иногда снится, что я живу в Лондоне, в большом, старом, темном доме на берегу Темзы.

МЭДЧЕН. Как интересно. Ты должен рассказать мне об этом все. Нет ничего более реального, чем сны. Я знаю, что в Лондоне туман. Я так хочу попасть в этот туман. И хочу прочитать все книги в Британском музее. И увидеть переулок Роз, где ходил Шекспир и размышлял о Темной леди, которая разбила ему сердце, и жутковатый дом, в котором Диккенс придумывал всех этих гротескных людей с фамилиями вроде Квилп или Скуирс, с заросшим сорняками садом и солнечными часами. Я отдала бы все, лишь бы оказаться сейчас в Лондоне.

ДЖЕК. Я полагаю, что многие лондонские девушки отдали бы не меньше, чтобы оказаться на острове, где ты живешь.

ПЕТРА. И я – одна из них.

ДЖЕК. Для них это рай на земле.

МЭДЧЕН. Странное у тебя понятие о рае, учитывая, что ты сидишь в тюрьме с крысами. Здесь красиво, не стану с тобой спорить, но козлы воняют.

ДЖЕК. Козлы воняют и в Англии, дорогая. Да и во многих других местах.

МЭДЧЕН. Мне все равно. Нацеплю на нос бельевую прищепку. Там есть астрологи? Я хочу заглянуть к астрологу, хотя не уверена, что мне нужно знать мое будущее. А вдруг оно меня ужаснет? И однако, если есть книга, в которой можно прочитать о своем будущем, кто устоит и не заглянет в нее? Я не устояла даже перед тем, чтобы не заглянуть в «Тристрама Шенди», хотя старый отец Даффи, который обучал меня, напивался в хлам на мельнице, праздную Великий пост, и был настоящим священником, пока мистер Пистачо не застал его голым в купальне с дочерью епископа, говорил, что «Тристрам Шенди» – очень греховная книга. Вот я и решила, что мой долг – забрать у него порядком зачитанный экземпляр, и перечитывала, пока книга не развалилась вовсе. Если ты не хочешь, чтобы девушка что-то читала, не говори ей, что книга греховная. На самом деле книга эта удивительная, и начав ее читать, оторваться уже сил нет, такая это история.

ДЖЕК. Где? Где я?

МЭДЧЕН. Посередине. Даже в начале ты всегда посередине. А вороны в башне выглядят, как вороны? Или больше напоминают грачей? Или грачи, вороны и вороны – одни и те же птицы? Или они совсем как ворон Эдгара По? Или ворон в «Барнеби Радж»? И почему ворон похож на письменный стол?

ПЕТРА. На мой взгляд, девушка эта глуповата.

ДЖЕК. Нет. Она очень умная, интеллигентная, по-своему. Просто поговорить ей было не с кем.

МЭДЧЕН. Его зовут Джек, как в «Замке Джека Стро». Или Джек Кич, палач в спектакле «Панч и Джуди». Или в «Лавке древностей», но это очень грустная книга, потому что девушка там умирает. Диккенс такой же жестокий, как Бог, но более веселый. У меня иногда возникает предчувствие, что я умру молодой. Если так и случится, и я умру до того, как приеду в Лондон, мой призрак прилетит туда и будет преследовать тебя, если ты сможешь покинуть этот остров, пусть это и маловероятно, но если покинешь, я стану девушкой-призраком, которая будет входить в твою дверь в полночь, оставляя за собой водоросли и огурцы, как одна из утопленниц Шекспира. И моими глазами будут жемчужины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.